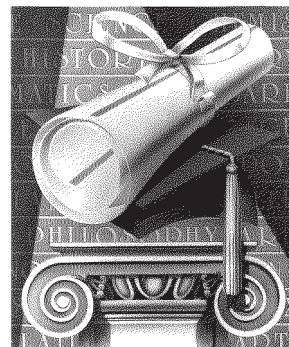


ЯЗЫКИ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ



Т.А. ЛАВЫШ

РОЛЬ И МЕСТО ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Современное общество и его духовная сущность отмечены качественно новыми феноменами относительно предыдущих исторических эпох: различного рода кризисы в отдельных областях взаимоотношений человека, общества и природы приобретают принципиально иной характер в результате их пересечения и взаимоусиления. На стыке XX и XXI веков, в условиях нарастания социальной деструкции и дегуманизации культуры аксиологическая проблематика философского знания становится особенно актуальной и является важным предметом исследования в рамках различных философских школ и направлений.

Историко-философская и логическая реконструкция философских учений показывает, что аксиология — важная и неотъемлемая часть философии. Ее генезис долго протекал в рамках подготовительного периода: с момента возникновения и до середины XIX в., когда категория ценности, а также блок сопряженных с нею понятий вводился в философский оборот. Специальный анализ социокультурных ценностей был предпринят Г. Лотце, В. Виндельбантом, Г. Риккертом, М. Шелером, Н. Гартманом и др. Русские философы конца XIX столетия исследовали нравственные и эстетические основания социального бытия, осмысливали цели и идеалы развития России. Работы К.Н. Леонтьева, Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Ф.А. Степуна внесли большой вклад в понимание значения духовной составляющей общественной жизни. Ситуация конца XX — начала XXI вв. вновь определила актуальность обращения к анализу духовных ценностей и социальных идеалов. Появляются работы Г.П. Выжлецова, В.М. Герасимова, Э.Я. Баталова, А.А. Новикова, Е.Л. Чертковой, А.А. Бородича и др., в которых исследуются различные аспекты аксиологической проблематики. Однако работ, посвященных ценностному контексту конкретных культурно-исторических ситуаций общественного развития, на наш взгляд, недостаточно. Поэтому исследования предпосылок создания системы, важнейшими элементами которой будут ценности и идеалы, а также анализ механизмов ее функционирования в современных условиях, являются актуальными.

Татьяна Анатольевна ЛАВЫШ, аспирантка кафедры философии ГрГУ им. Я. Купалы, преподаватель кафедры немецкого языка Белорусского государственного экономического университета.

Значимость аксиологии подтверждается и общей, эмпирически обоснованной истиной: человек никогда не находится в положении выбора между ценностями и чем-то, не имеющим к ним никакого отношения; в спектре человеческой деятельности практически невозможна ситуация отсутствия ценностей. За проблемой ценностей — при соответствующем уровне ее философского изучения — стоят сложные вопросы политического, экономического, правового, духовного развития любого современного общества и мирового сообщества в целом. В любом контексте рассуждения о ценностной проблематике основополагающим является то, что речь идет о ценностях человека или ценностях, к нему относящихся. Более того, модус ценности присутствует в любой характеристике человека и мира вещей, идей, сопричастного к его существованию.

Уникальность современного этапа развития научного и философского человекознания заключается в том, что проблема человека, перестав быть сугубо предметом изучения определенных научных дисциплин, становится в предельной степени жизненной проблемой, так как под вопросом оказывается само существование человека. На протяжении истории были переломные моменты, когда человек стоял перед необходимостью делать определенный выбор. Однако выбор той или иной идеологии, определенных политических, правовых и экономических институтов не приобретал характера выбора исходной системы ценностей, от которой в решающей степени будет зависеть не только содержание и направленность человеческой истории, но и то, будет ли история вообще иметь продолжение.

Современная техногенная цивилизация базируется на субъективно-человеческом принципе, на человеческом *ratio*. Характерная для такой цивилизации мотивация — одна из причин появления на исторической арене человека-потребителя, в меньшей степени ориентирующегося на культурное творчество: творческая мысль ориентируется на идеал, устремляется в будущее. Подтекстом и одним из источников творчества является морально-религиозная мотивация. Однако дух современной эпохи оказывается обремененным проблемами, еще недавно казавшимися забытыми навсегда: поляризация богатых и бедных, империалистический передел мира, появление новых бесправных изгоев, лишившихся защиты со стороны социального государства и подвергшихся классовой эксплуатации. Кризис современности, который привел к серьезным антагонизмам, разрывающим бытие на две системы — «бытие» и «ничто», — может быть определен как кризис объективных жизненных ценностей человека. И поэтому вопросы о выработке новых и встраивании существующих ценностей в контекст современности не являются праздными. Критерием, по которому можно осуществить выбор ценностных приоритетов, является практический результат, в соответствии с известной евангельской формулой «по плодам их».

Материальные и духовные ценности более не считаются фундаментальными и прозрачными. Можно даже сказать, что попытки их обоснования посредством обращения к абстрактной абсолютной идее, материальному производству, социальной функциональности и т. д. не дали желаемого результата. Единственной константой, позволяющей дать точку опоры для построения системы духовных ценностей, ответ на вопросы: «Что есть ценность? Что есть духовность?», — является человек.

Резкое повышение значимости субъектного, личностного фактора вызывает потребность осмысления *внутренних* ориентиров жизнедеятельности индивида, направляющих средства современной науки на достижение собственных смыслозначимых целей. Все сказанное подводит современного исследователя к необходимости пристального изучения проблемы ценностей не только в традиционном рационально-этико-эстетическом контексте, но и с позиций антропологического видения.

Исследование природы и роли ценностей человека особенно значимо в современную эпоху, парадоксально отмеченную двумя противоположными тен-

денциями: а) индивидуализацией, проявляющейся в утрате преемственности, чувства реальности жизни и своей включенности в жизнь общества, в утрате ощущения причастности миру, взятому, по словам Ю. Давыдова, «не абстрактно-«глобалистским» или универсально-«космическим» образом, но непосредственно-человечески: как реальный мир родных и близких, соседей и сослуживцев, соотечественников и современников» [1, 273]; б) тенденцией к универсализму, «абстрактному и все еще скроенному по индивидуальным меркам» [2, 356]. Абстракция аксиологической системы легко подменяется конкретным самообожествлением, универсальным, и потому доступным каждому без особых усилий.

В действительности речь не идет о некоей универсальной оболочке, подходящей каждому индивиду, примеряющему ее на себя. Только вопрос о смысле и критериях существования и деятельности человека, вопрос об их ценности осложняет антропоцентристские построения аксиологии. По моему мнению, существуя во множестве индивидуальных сознаний, являясь убеждениями, целеполагающими принципами, стимулами деятельности личности, ценности получают этическое оправдание через систему социальных ценностей общества и право претендовать на роль единого и всеобщего благодаря способности выражать единство многообразных потребностей, интересов и стремлений. Ценности существуют и функционируют объективно в практике реальных социальных отношений и субъективно осознаются и переживаются как ценностные категории, нормы, цели и идеалы, которые через сознание и духовно-эмоциональное состояние людей и социальных общностей оказывают обратное воздействие на все сферы человеческой жизни. Какой бы божественно- вселенский или космический характер по происхождению и сущности ценности не имели, судить о них мы можем лишь по их реальному проявлению в нашей жизни, в многообразных отношениях человека к самому себе, к другим людям, обществу и природе.

Одно из проявлений современного аксиологического кризиса состоит в утрате критериев оценки деятельности человека и общества. М. Вебер, анализируя действия индивидов, отмечал, что каждый человеческий акт предстает осмысленным лишь в соотнесении с ценностями, в свете которых определяются нормы поведения людей и их цели. Процесс социальной адаптации личности в настоящее время осложняется именно сдвигом в ценностном измерении и смещении нравственных ориентиров в итоге «переоценки ценностей». Результатом многомерности и противоречивости нормативно-ценностной парадигмы, формирующейся в современных условиях, является новое повышение интереса к проблеме ценностей. При сохранении определенной иерархии ценностей, в периоды ломки сложившихся ценностных систем и поиска новых культурных оснований существования человека можно наблюдать возникновение идей отказа от предпочтительности определенной ценностной позиции, ведущих к глобальному аксиологическому релятивизму [3, 675].

Одним из ярчайших мыслителей, наиболее радикально воплотившим идею релятивизации ценностей (вновь крайне актуальной) является Ф. Ницше, который, в отличие от теоретических попыток обоснования ценностей, поставил под вопрос ценность самих ценностей, моральных абсолютов и идеалов. По его мнению, переоценка ценностей состоит в «освобождении от всех моральных ценностей», в понимании того, что сама по себе «никакая мораль не имеет ценности» [4, 344]. «Вместе с обесцениванием прошлых высших ценностей, — поясняет эту мысль немецкого философа его соотечественник М. Хайдеггер, — прежде всего должно быть устранено соответствующее им место» [1, 258]. Совершенный и последовательный нигилист, которым считал себя Ф. Ницше, «должен устранить даже самое место ценностей, сверхчувственное как сферу, и сообразно с этим иначе положить и переоценить ценности» [1, 258]. Борьба с традиционной европейской моралью, по твердому убеждению Ф. Ницше, будет доведена до конца лишь тогда, когда человек перестанет признавать «идеаль-

ное измерение» своего бытия, т.е. именно ту сферу, в которой в чистом виде выступают ценности и идеалы как нечто высшее. Такого рода фикция, по его мнению, является проклятием, нависшим над человечеством, и дает возможность продолжения существования «слабым» и «добрым». Ф. Ницше снисходительно добавляет: «Я не отвергаю идеалов, я только надеваю в их присутствии перчатки» [4, 695]. Ложь абсолютных и высших ценностей как идолов разума мешает увидеть истинную разумность, находящуюся в реальности: сфера, где утверждаются все ценности и нормы, у которых нет ничего общего ни с истиной, ни с абсолютами, — это сфера воли к власти. Эта воля пользуется фикциями «идеального», отбирая их в зависимости от комбинации различных полюсов силы и от задач, встающих перед нею. О других задачах и вопросах, «уже выходящих за границы «сущности правды», мыслитель не желает ничего знать [5, 71]. Иначе говоря, абсолюты, идеалы, ценности, нормы — это, с точки зрения «совершенного нигилиста Ницше, всего-навсего приманки, с помощью которых воля к власти заставляет людей исполнять ее предназначения» [1, 259].

Парадоксально, но именно Ф. Ницше, так активно «боровшийся» с ценностями, осуществил в своей философии универсализацию мышления в ценностях: все фундаментальные понятия метафизики превратились, по существу, в ценности. Тем самым круг как бы замкнулся: онтологические трактовки ценностей отождествляли сущее и истину, ценное и должное; кантианская традиция развела понятия существования и ценностей, что явно стимулировало поиск в этом направлении. У Ницше же «сущее» и «истина» оказались поглощенными ценностями и тем была устранена напряженность отношений «бытия» и «ценностей». На деле же данная проблема не была устранена, она оказалась только отодвинутой [6, 123–124].

В настоящее время духовный и ценностный кризис воплощается в новой, особой форме нигилизма, представленного постмодернистскими теориями, программы которых направлены на «развенчание», а по сути, на разрушение традиционных ценностей: истины, реальности, человека, истории. В рамках постмодернистских «деконструкции», «шизоанализа» и т.д. с их образами «дерева без корней», «текста без автора», «мира как хаоса» имеются широчайшие возможности для утонченных интеллектуальных игр, однако совсем нет места живой душе. Как замечает Р.Тарнас, мир прекращает существовать как «вещь в себе» и больше «не зависит от интерпретации: скорее он начинает существовать уже только в интерпретациях и лишь благодаря им. Субъект познания уже неотторжим от объекта познания: человеческий разум никогда не выходит за пределы мира, чтобы судить о нем извне, заняв соответствующее положение» [7, 250]. Лишая человека права сопоставлять значение того или иного события со значением целого, постмодернистская парадигма вместе с тем превращает различные пласты реальности в полноценные, самостоятельные силы, господствующие над человеком и нередко враждебные ему. Речь идет о новой форме отчуждения: нас самих от действительного мира, в чем кроется опасность, по словам А.С. Панарина, «стать равнодушными гражданами мира», над которыми довлеет множество виртуальных реальностей, одинаково малоинтересных и не имеющих поэтому никакой ценности.

Еще одна специфическая черта постмодернизма состоит в новом определении возможностей разумного постижения действительности. Установка на достижимость системного и завершеного знания о гармоничной системе «мир — человек» заменяется иррационализмом, приобретающим статус значимой мировоззренческой парадигмы. Философия из мышления о мире в понятиях становится пониманием действительности при помощи интуиции, действительности, которая в принципе непознаваема в категориях разума. Ю. Хабермас считает постмодерн самокритикой современности, понимаемой им как «деформированную реализацию разума в истории» [2, 351]. Это значит, что постмодернистская традиция продолжает прежние европейские традиции в

том смысле, что своим апофатическим примером указывает на необходимость реабилитации понятия разума, но на некоторых новых основаниях. С одной стороны, «понятие разума придется защищать от тоталитарных свойств инструментального разума, который опредмечивает все вокруг (в том числе и самого себя)», с другой стороны, его нужно защитить от «тотализирующих свойств разума, присваивающих все и вся и в результате празднующего победу над любыми различиями» [2, 351–352]. Это вновь возвращает общество к признанию значимости разума, к становлению такой рефлексивной культуры, в которой генерализируются ценности и нормы (к «ценностной рациональности», по М. Веберу) и появляются возможности достижения нравственной целостности.

Здесь возникают правомерные вопросы: что же именно придает действительности качество целостности; что является ядром социокультурной реальности личности и общества? Таким смыслообразующим центром были и продолжают оставаться духовные ценности, составляющие основу антропологических ценностей.

Социологический план духовной жизни связан прежде всего со сферой идеалов и ценностей. Идеалы заменяют человеку как самоценному субъекту императивы и запреты, а внутренняя ценностная регуляция — внешнее принуждение. Таким образом, по мнению Г.П. Выжлецова, «ценности являются посредником-проводником духовных начал в сферу сознания и бытия человека», «именно ценности определяют, в конечном счете, собственно человеческий смысл жизни, становясь ядром и внутренней основой жизни и культуры человека и общества» [8]. Система таких смыслообразующих ценностей есть, с одной стороны, плод деятельности, а с другой — поиск идеалов — высших духовных ценностей, благодаря которым все иные ценности обретают должное им место в системной иерархии. Э. Дюркгейм считал, что именно они устанавливают закономерность в развитии систем ценностей: идеалы как представления человека о том, что еще не существует в действительности, являются источником практической деятельности, а вещи становятся ценностями именно тогда, когда они выражают собой определенные грани идеалов [9, 147]. «Как особая ценность, — пишет А.А. Бородич, — идеал направляет наши действия к новым вершинам жизни, служит аксиологическим фактором потенциального бесконечного развития общества» [10, 94].

В неблагоприятных условиях утверждение идеалов может выступать гарантом сохранения ценности человеческого и общественного бытия. Отвергая ощущение трагизма и бессмысленности жизни, кажущееся бессилие людей, идеалы способны глубоко воздействовать на психику, эмоции и умонастроения, повышая общественную активность человека. Напротив, отсутствие действительных идеалов способно породить определенные социально-психические болезни: пассивность, апатию, безразличие и агрессию. Без идеи, определяющей смысл бытия общества, его существование превращается в хаотическое кружение и может привести к катастрофе. Среди множества идеалов, которыми руководствуется субъект, определяющая роль принадлежит социально-политическому идеалу, очерчивающему общие контуры образа жизни, которому мы хотели бы следовать, и образа человека, живущего этой жизнью.

Общественный идеал, а всякий идеал по определению является общественным и выступает, по словам Э. Ильенкова: «...в качестве всеобщей формы целеполагающей деятельности ... во всех областях общественной жизни — социальной, политической, нравственной, эстетической и т.д. Категория идеала обладает глубоким социальным значением» [11, 195]. Это регулятивные принципы деятельности, высшая конечная цель на пути самосовершенствования, постулат и императив. При этом он может выступать и в виде конкретно-чувственного представления о высшей норме совершенства. Идеал вдохновляет, «рисует идеальную конструкцию, воплощается в ценностях, задает модель поведения, фиксирует ценность индивидуального бытия» [12, 16–17]. Он вы-

ступает как должное, высшая ценность, добро, которое есть должное, но может стать добром только в том случае, если еще и желаемо нами.

Идеал как высшая ценность представляет собой часть духовного мира. Обусловленные эмпирически в своем становлении и развитии, высшие ценности безусловны в ставшем и развитом виде, они есть закон, которому должен соответствовать эмпирический мир; это должное, которое вменяется существу. Взятый в качестве особого феномена морального сознания, идеал как ценность может рассматриваться в виде предельно концентрированного выражения творческого характера способности субъекта к преобразовательной деятельности во всех сферах: социальной, политической, экономической, духовной.

Практический аспект смыслополагания реализуется в регулятивной функции идеала: посредством определенных традиций, норм, идей, духовных ценностей, генетически связанных с идеалами, осуществляется управление поведением личности и общества. Это подразумевает существование определенной системы нравственных и правовых норм, эталонов поведения в рамках определенного общества. Регулятивная функция тесно связана с функцией интегративной: идеал представляет собой эталон социальной целостности, образец социального единства, а также обозначает способ осуществления этого единства, интегрируя вокруг себя социальных субъектов. Идеал способствует сохранению, упрочению и гармонизации отдельной личности и общества в целом. Иными словами, социальный идеал претендует на попытку решить предельные проблемы существования: дать смысл бытию, объяснить социальные процессы с точки зрения единой социальной парадигмы, расшифровать социально-символический универсум.

Таким образом, данное исследование позволило сделать следующие выводы:

- состояние многомерного кризиса, в котором находится современное общество, в немалой степени связано с кризисом ценностей и оценок, что заставляет пересматривать традиционный рационально-этико-эстетический контекст решения аксиологической проблемы;
- духовные ценности, составляющие основу антропологических ценностей, способны стать интегрирующим фактором в процессе преодоления системного кризиса общества;
- духовность представляет собой не понятийную конструкцию, а систему смыслов, создающих фундамент для интерпретации повседневных значений жизненного мира человека, духовность есть необходимая и продолжающаяся во времени живая связь, посредством которой осуществляется межличностная коммуникация и внутриличностная рефлексия;
- социологический план духовной жизни связан прежде всего со сферой идеалов и ценностей;
- в неблагоприятных условиях утверждение идеалов может выступать гарантом сохранения ценности человеческого и общественного бытия. Идеал как высшая ценность представляет собой часть духовного мира.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Давыдов, Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия: Проблемы нравственной философии / Ю.Н. Давыдов. — М.: Мол. гвардия, 1982.
2. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас / пер. с нем. — М.: Весь мир, 2003.
3. Urban, W.M. Knowledge of Value and the Value-Judgment / W.M. Urban // The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. Vol. 13, № 25 (Dec. 7, 1916). — Doi: 10.2307/2012838.
4. Ницше, Ф. Соч.: в 2 т. / Ф.Ницше. — М.: Мысль, 1990. — Т. 2.
5. Nietzsche, Fr. Die frohliche Wissenschaft («la gaya scienza») / Fr. Nietzsche. — Leipzig: Reclam-Verlag, 1990.
6. Перов, Ю.В. К вопросу о «метафизических» предпосылках философии ценностей. Историчность и историческая реальность / Ю.В. Перов // Сер. «Мыслители». — СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2000. — Вып. 2.
7. Антонович, И.И. После современности. Очерк цивилизации модернизма и постмодернизма / И.И. Антонович. — Минск: Беларус. навука, 1997.